18+

Виктория Михеенко

Третий доктор

Исповедь амазонки

Виктория Михеенко

Третий доктор. Исповедь амазонки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24432457
ISBN 9785448532801

Аннотация

Эта книга – мой опыт жизни с момента, когда было объявлено о том, что у меня рак молочной железы, и до сего дня. Мои страхи, сомнения, отчаяние, привыкание, смирение. И вопросы: почему это произошло? Почему со мной? Лихорадочные попытки помочь себе без хирургического вмешательства. Принятие решения. Операция и реабилитационный период. И жизнь после… Совершенно другая, не похожая на жизнь до…

Содержание

Предисловие 5
Часть I. Мастэктомия* 8
1 8
2 Больная 10
3 11
4 12
5 14
6 15
7 18
8 22
9 24
10 26
11 28
12 31
13 32
14 33
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Третий доктор
Исповедь амазонки

Виктория Михеенко

Фотограф Алла Михеенко

© Виктория Михеенко, 2017

ISBN 978-5-4485-3280-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Третий Доктор, или Исповедь амазонки[1]

(Поэма-хроника)

[1] Примечания (слова, обозначенные звёздочкой) – на стр. 50

Предисловие

Эта книга – мой опыт жизни с момента, когда было объявлено о том, что у меня рак молочной железы, и до сего дня. Мои страхи, сомнения, отчаяние, привыкание, смирение. И вопросы: почему это произошло? почему со мной? Не так уж я и плоха, чтобы платить такой ценой. Лихорадочные попытки помочь себе без хирургического вмешательства. Принятие решения. Операция и реабилитационный период. И жизнь После… Совершенно другая, не похожая на жизнь До… И ответы. Мои ответы. Именно для моей жизни, сложившейся в уникальных (как и для каждого человека) обстоятельствах, предназначенных для осознания своего предназначения, своей роли, своего счастья, своего пути. Как герой «Алхимика», считаю, что ничего случайного с человеком не происходит. Как и он, я старалась учиться на ситуациях, учиться у людей, учиться у болезни. Чему? Правильно жить. Как правильно? Не причиняя вреда. И прежде всего, самой себе. Этот мой экзистенциальный опыт, возможно, покажется кому-то надуманным, несвоевременным – ***всё*** ещё может быть. **Но я справляюсь именно так** и не жалею об этом, как бы не разворачивались события дальше. Диагноз – ситуация типичная, но потом каждый идёт своим путём. И чем раньше человек поймёт, что самое важное в стратегии выздоровления – это его решения, его действия, его

ответственность, его **знание** о себе, – тем лучше для него. Болезнь – это часть Пути к себе. («Возлюби болезнь свою» – у Синельникова). Бороться с ней – отвергать себя. Уж лучше рука об руку дальше. Такая позиция нашла отклик в моей душе. И я иду Своим путём, как понимаю, как могу.

Книга – это одновременно эмоциональный отклик на всё, что происходило не только со мной, но и с моим окружением – в больнице, вне её стен, дома. То, что волновало, страшило, возмущало, вызывало протест и что вселяло надежду. О чём молчали вслух и говорили шёпотом.

Благодарю людей, которые помогли мне продвигаться по этому Пути: хирурга Запорожского областного клинического онкологического диспансера **Николая Фёдоровича Щурова**, руководителя школы самосовершенствования человека «Мистерия», психотерапевта **Андрея Станиславовича Азарова**, мою маму, мою дочь, моих подруг. Вам – умелые, добрые, умные и смелые – посвящается эта книга.

Однако, перечень врачей не полон. Есть ещё Третий Доктор – скромный и невидимый. В жизни каждого человека есть своеобразная доминанта, которая определяет его продвижение в ней. Это могут быть деньги, здоровье, авторитеты, дети, еда, мода, лекарства, ремесло, сила, алкоголь, слава и т. д. Для меня – это Слово и всё, что с ним связано: литература, драматургия, театр, хорошее кино, достойная речь, общение. Слова в мою жизнь вошли рано – в пять лет я бегло читала газеты. Чтение было такой же потребностью, как

утоление жажды. Среди слов находила ответы на вопросы жизни. Слова изумляли, радовали, огорчали, призывали, настораживали, пугали, сеяли сомнение, возвышали, направляли. И утешали. И оживали. И хозяйничали. И выстраивали мою Жизнь. Поэтому и болезнь свою я понимала и ощущала сквозь *слова,* которые произносились вокруг меня, во мне и мною. И выход из сложившейся ситуации (излечение ли? сосуществование ли?) я увидела именно в правильных, нужных словах. Я увидела в них инструмент, лекарство, средство, подходящее именно мне, потому что, кроме слов в этой жизни, я не знаю ничего. Я филолог. Я люблю Слово. Слово – мой древний, преданный друг и лекарь – болело со мной плечом к плечу. И в минуты отчаяния, растерянности и страха я искала спасения в словах, как, впрочем, и многие из насболящих, далёких от филологии и любви к литературе, нуждались в слове-поддержке, слове-ободрении, в слове-уважении в до- и послеоперационный период. Поэтому в этой книге я сочла возможным и нужным высказать благодарность ещё одному врачу, семейному моему доктору – Слову.

Часть I. Мастэктомия*

1
Car*

Стена, стены, стеной…
Сама, себя, собой…
Настенный календарь
Не точен – просто стар.
Остаться в длинном дне,
Отметкою в календаре,
И помнить до чиха в носу
Что и в котором часу
Стряслось, сказалось, сбылось
В тот месяц и день, и час,
Когда с прононсом в нос
Тебе возвестили: как раз
Сидите вы, хорошо,
Не то пришлось бы присесть.
Анализ, короче, дерьмо,
Вопрос: у вас деньги есть?..
Будто живёшь праведно,
И говоришь правильно.
А фейс у врача каменный.

«Рак, – говорит, – рак».
И эскулап, обрадованный
Улыбкой моей затравленной,
Мою судьбинушку горькую
«Вот, – резюмирует, – так».
– А может…
– Не может, слышали…
– А где-то спаслась…
– Не у нас…
– А травкою?
– После вмешательства.
– Гарантии?
– Нет. Обстоятельства
Вы сами себе рисуете
И по-любому рискуете…
И идут стада от врача к врачу —
Золотая орда: всё сама плачу!
Пл*а*чу и плач*у*
Острому мечу.
Жить или не жить —
Думать не хочу.

2 Больная

Страшно, но плакать нельзя.
Села на пол и режу тряпочки*.
Нужно прилично тряпья
На самодельные «ваточки».
На бывшую грудь накладывать
Да глаз промокать, вымачивать.
И чтоб мысли свои окаянные
В бесконечный платок замачивать.
Доктор доктору, знаете, рознь.
Кто оптом берёт, кто в розницу.
Привычен тут бабий стон.
Тут чести лишают горлицу*.
Тут чести лишают Лилит*.
И вовсе не тем, что отъяли:
В живое вживляют стыд
За то, что не женщиной звали.
А звали больную *больной*.
Безликой, любой и бесполой.
И б*о*льная рваная боль
В одежде стенала голой
Перед тем, как возьмут на стол,
Прокричат в предбаннике: ***подано!!!***
Ты приедешь цельным куском.
Увезут тебя плотью обглоданной.

3
ОПМЖ*

**ОПМЖ – отделение патологии молочной железы.*

ПМЖ необходимо.
Визу, слышишь, не дадут.
ОПМЖ – не ПМЖ:
Временный приют для Ж,
У которых Г и Ж
Непутёвый хитрый доктор
Скорректировал уже:
Г – её осталось мало.
Ж – заметна в неглиже,
Как подушка для инъекций
И мужское протеже.

4
Грудь

Моя белая-белая грудь,
Мой бутон, золотой и мягкий,
Мне уже пять десятков лет,
А ты яблоком сладким-сладким.
Всё вперёд задорный сосок,
Смородинкой и доныне.
И велюровый нежный кружок
Венчиком на вершине.
Афродиты* подарком живым
Помещаешься в тёплой ладони —
Совершенного мастера стиль
В совершенной ликующей форме.
Я тебе обещала быть,
Что тебя для себя отвоюю.
Ты моя, ты моя, моя грудь.
Я люблю тебя и такую.
Я люблю свою новую хворь,
Что пришла по старым ошибкам.
Согласилась я: пусть живёт.
И не очень ругала шибко.
У жилицы губка не дура —
Поселилась в красивом месте.
И понятно, что жильё сие

Выбирали мы с нею вместе.
Грудь моя, не хочу без тебя.
Ты не бойся, я не предатель.
Но клялась и молилась я зря.
Страх пришёл…
И велел – отъяти…

5
Неизбежность

Все умерли. Кто как…
В борьбе, смирении, мольбе,
В ругне, отчаяньи, распутстве,
В смятеньи, славе и пальбе
По воробьям, но без занудства.
Все умерли. Небесный счётчик
Оплату вывел на конвейер.
Кому? за что? в какие сроки?
С кем и куда? в какие двери?
Сейчас? Год? Месяц? Двадцать лет?
Пока в потоке: жну и сею.
Подвешенный Дамоклов меч*
Падёт на сломанную шею.

6
Обиженная клетка
(Взгляд на процесс)

Что-то случилось! Сбой! Тормоз! Атас!
В ступор приходят клетки.
Сигнализирует растерянный *гомеостаз**:
Неполноценные детки!
Делится, дескать, клетка, но
Потомство, прикинь, галимо —
Примитивно, тупо, дебильно, зато
Много и вредоносно делимо.
Как же спасительный *апоптоз**?
Кто гложет «опавшие листья»?
Разводит руками *фагоцитоз** —
Не знаю… У нас, вроде, чисто…
Войско врага в самом центре меня.
Бесконтрольно растёт и плод*и*тся.
И назвал Гиппократ* это словом «краб» —
За хамское его любопытство.
Подальше, поглубже проникнуть внутрь —
Изгадить и плоть, и кровь.
Почему? Потому что никак не вернуть
Удалённый контент* – «любовь».
А причина – когда-то отец и мать

Подарили друг другу обойму ран.
И комочек зачатый, не ждан-не зван,
Получил в первоклетке живой изъян.
Изначально та крошка ущербной была.
Может быть, ей *любви* не хватало.
Поискала на ощупь, на крик – не нашла,
И от горя раковой стала.
И теперь, разделяясь, не имеет плодов,
Не спешит к созидательной цели.
Её «дочки» не знают ни мам, ни отцов —
Материнские цитадели*.
Отныне дочерних цветов у них нет.
Все самки – одна в одну.
И сбирается вещий *иммунитет**
На гражданскую на войну.
Но не знают солдаты врага в лицо,
«Все свои», – говорят паспорта.
И служивым ребятам совсем невдомёк
Рассмотреть, что модель не та.
И напрасно упрямится строгий ген,
Охраняя структуру и обязательства,
Поражённый тоской и унынием член
Требует иные себе обстоятельства.
Ему в умном теле не хорошо.
Не хорошо в великом теле поруганной крупице.
Количеством взять! А для этого – что?
К доминированию устремиться!

Песня клетки

Я просто делюсь.

Пусть меня будет много.
Теперь на меня хватит времени.
Я просто смеюсь.
И, хотя недотрога,
Наливаюсь стерильным бременем.
Я просто слепа.
Я просто не вижу,
Чем сфера моя очерчена.
Я просто глупа
И в вопросе престижа
Неопытна и доверчива.
Здоровые, умные,
Мной одержимые,
Стенают: как быть и как справиться?
А я наступаю
Прицельно, с нажимом,
И мне это, знаете, нравится.
Я клон,
Я безмозглая злая картонка,
Тревожный, пустой барабан.
Так первообида пра-пра-ребёнка —
Внезапным возмездием нам

7
Планета ракообразных

(Фантасмагорический фарс)
Как много меченых клешнёю роков*о*й,
Перстом р*а*ковым, роков*ы*м браком,
р*о*ковым воплем,
Икаровым* страхом:
Падение – тоже полёт – вниз
К холодному солнцу, ватным облакам,
В минус! по шкале икс,
В штопор! прямо к ногам
Ловкача Посейдона*. Он из Икаров
Куёт кораллы, с Гермесом* в доле,
И служит Мамоне*.
Коварные крылья!
Безумный Дедал*
Напрасно свободу пообещал
Сыну – вин*а* вин*ы* отныне —
Сухого красного
В море солёного, но сладкого
От воска топлёного…
Вина, чтоб забыться, убиться, решиться
Быть снова *быть* и снова у моря.
Вина, чтоб простить Дедала и Посейдона….
Люди вышли из вод.

По сей день, по сей дон —
Дна – на дне – днём и дном
Там живёт и тоскует, и ждёт
Тот, кто раб Посейдона – краб.
Вот он вышел из вод,
Огляделся окрест – ест
Всё подряд, без причастья – грех.
Без приличий, с открытым ртом – смех.
Без особых последствий рост —
пролонгированный погост.
И готовится праздновать праздно
Победу
Планета ракообразных,
Крабовидных, клешнезадых,
Пучеглазых, панцернокорых,
Канцероносов* земноводных
Жизнесосов нерукотворных.
Смысл жизни – сплошные драки:
Краб на краба и рак на рака.
Море на море, река на реку —
Каюк здоровому человеку.
Куда ни глянешь – всюду раки.
В отсутствии плоти для атаки
Юркие щупальца вооружили
Смазкой интимной и хозяйственным мылом.
Беда – туда, где полые клетки —
Пустые и звонкие фальшмонетки.
Полые клетки – пустые соты.
Полые люди – полуидиоты.

Бойся-не бойся, прячься-не прячься —
Клешнёю ржавой зацепит в трансе.
И уже скопом в смертельном танце
Молитвы хором Ему авансом.
Теперь, как все, – человек-рак.
Он плохо видит, его будут драть
Врачи, медсёстры и рыбаки —
Задр*о*чат, короче, кому с руки.
Он Рак – новоиспеченный Канцер и Ген.
Ликует, пузырится канцероген.
Кто ж виноват? Кто затеи отцы?
Может, египетские жрецы?
Может, лемуры или атланты?
Кто накосячил по прейскуранту,
Код человеческий оплатив,
Взялся за гуж да не смог донести?
Кто отработал Вселенскую взятку —
Выбить людей пешим порядком,
Без Хиросимы, без Нагасаки*?
Кто провернул операцию «Раки»?
Эх-эх-эх-эх!
Что от сердца – то не грех!
От печёнки – не в серьёз!
Живы будем – не вопрос!
Клетка плетью мне грозит:
Надо гостя пропустить.
Примешь метку прямо в лоб —
будешь главный антрофоб***.**
Будешь, главно, хоть и глуп,

Ракофил и раколюб,
Ракодел и ракосхрон.
Ты на службе, Ракотрон!
Клетка в клетку с клеткой крепко
Липко зыбко сеткой мелкой
Жутко шуткой хлипко в будку
В клетку прутьев гибких
ветхих и натянутых от века
Гонит, ронит, золит, ломит
Человека, человека.

8
Стыд

Два вопроса волнуют *больного* – беда!
Деньги и денег – всегда.
Как сказать, предложить?
Заплатить – не платить?
Страх и пот. И живот…
Как смотреть? Прямо в рот?
За него? Сквозь него?
В пол? В сторону? В гвоздь?
Стыд.
Брось!
Все дают: в доме скорби
Часто зыбок рассвет.
Все суют: даже если гарантии нет.
Все кладут: даже если цирроз в печень.
Все займут: даже если вернуть нечем.
Все придут: это как грибок, плесень.
Все поют согласно одну песню.
Надо! Да! Надо! Два!
И гор*я* от стыда
(Безысходность придумав
От большого ума)
Дать!
Вам!

Срам!
По щекам!
Кому?
Эгрегору* одному и
Вам, кто у власти, Вам!
Да платите им столько денег,
чтоб наравне резали богатых и бедных.
Чтоб не мялся в ладони комочек денежный,
Обезличенный, обезвоженный,
И в кармане, наконец, обездвиженный
(Палка ниже, ростом ниже мы)
Обесцененный тихим страданием
За укол прямо в боль в утро раннее.
Да ведь вот беда, что не справиться.
Можно не давать, да не нравится!
Вдруг, за доброту, потеплей взглянут.
Надо их кормить – они тут живут.
Надо их поить, не вода с лица,
Им работать в кровь здесь приходится.
Это мы сюда на недельку-две,
А у них, считай, нет просвета в дне.
Понасмотрятся человечьих слёз!
Вот за это неучтённый им идёт платёж.
Ну а мы с тобой да с одной бедой?
Кто ж такие мы?
Те, кто на убой…

9
Будни

Не место, не место для драм,
Приличия там, уважения.
Напрасны страданья у дам.
Терпенья, родные, терпения!
В перевязочной сип! да ой!
Отрывают бинты безжалостно.
В безысходности в стократ боль,
Но лекарств не нашли пока ещё.
«Быстрее! Давайте! Следующий!
Спирт – бинт – пластырь!
Фамилия?! Анализа нет ещё!
Спирт – бинт – пластырь!
Потом застегнётесь. Следующий!
Спирт – бинт – пластырь!
Мне надо бегом! Я заведующий.
Спирт – бинт – пластырь,
Ведущий, блин, а не смотрящий!»
И, пришибленная, как сомнамбула,
Как потерявшийся зомби,
Выходишь на ощупь, спиной
К двери, отвешивая поклоны.
Спасибо, родной, спасибо!
Спаситель, в живых оставил,

А мог бы, подлец, зарезать.
На кой церемониться с нами?
Трепещущими, болящими,
На тебя, как на Бога, глядящими,
Уже не пьющими, не курящими,
О прощении только молящими.

10
Золотая орда

«Накажу – увижу еду в палате!» —
Завотделением грозит составу.
И тянутся экспонаты в халатах
На продовольственную заставу.
В кровати нельзя! Будем жадными!
Врагу не оставим крошек в логове —
Прусакам иже с тараканами!
Изничтожим лазутчиков пошагово.
Из своих невидных квартир —
Порогов, дверей и стен —
Отважный солдат-кирасир
Берёт нас, пришельцев, в плен.
Он хозяин здесь. Он хан Кончак* —
Соискатель чужой еды.
Вездесущий рыжий Прусак —
Индикатор нагой беды.
Представитель несметной орды —
Тёмным золотом спины литы.
Караулит открытые рты
Бритых пленников и небритых.
Супервоинство у Кончака!
Мычит пленник, вдыхая отраву*.
А оно без потерь, с кондачка

Попирает такую забаву.
«Чистота… Может, хватит смешить, —
Иронично дрожит легковесное тельце. —
Вы уйдёте, а нам здесь жить.
Не бери грех на душу. Не целься!
Пусть пыхтит хозяйка-сестра.
Ей за это вроде бы платят.
Одинакова наша судьба:
Вас и нас одинаково травят.
Выше нос! Мы живы пока!
На здоровье оставьте усердие.
И к злосчастной судьбе прусака
Просим вас проявить милосердие.
Каждый должен свою работу
По совести выполнять.
А у вас, напомню, другая забота —
Жить по-новому начинать.
Да и если подумать здраво,
Что мы вам? Наших трупов тлен?
Если на леднике одичало
Голосит ваш отъятый член?
Всем своё. Мы не ваша добыча.
И хоромы скоблить не вам.
Вам – с победой домой возвратиться.
Нам – удерживать старый плацдарм».

11
Крабовые палочки

Каждое утро ровно в шесть,
За час до инъекций и перевязок,
Мы сходим вниз, чтоб неловко сесть
На одну из больничных лавок.
Бывало, молчим согласно и долго.
Тихо и птицы – чем не рай?
Пока на смену, по службы долгу,
Приходит бабушка Дай.
«Дай! Дай! Дай!» – сквозь прутья руки
С длинными пальцами и чёрными когтями.
Так старушка просит покушать,
Строго и страшно шевеля усами.
И мы делимся с ней передачами,
Зачастую почти не тронутыми.
А любит она крабовые палочки,
И просит приносить завёрнутыми.
Мы изводим себя зарядкой —
По два подхода за раз.
И с тревогой в рабочем порядке
Ждём сведений о наличии метастаз.
Метастазы – щупальца крабьи —
Во все стороны света моего тела?
Без ответа на вопрос:

«Какое вам до меня дело?»
Вам понравилась моя плоть,
Моё лёгкое, моё плечо?
В какой именно части вам хорошо?
Какую из них мне подогреть,
Чтоб было комфортно вам расти и жиреть?
Универсальные сети —
Пальцы изысканной плети —
Самое лучшее застревает
У вас в желудках —
Недоделанные бедные дети!
Дети-матери. Дети-клети.
И вот чугунное слово впечаталось в мозг!
У доктора взгляд сквозь смех колюч:
– Есть, сволочь! Есть! Но мы не из тех,
у кого кишка тонка,
у кого родник слёз горюч!
Доктор внимательно – прямо в глаза:
Реакция не предсказуема.
Всё в порядке, док, моя депрессия
И тоска практически не доказуемы.
Не волнуйтесь, доктор, не упаду
И кричать в исступленье не стану.
Я к девчонкам своим пойду.
И там, может быть, оттаю.
«Ну что?» – растревожены глаза.
«Ну что?» – поздравлять ли сочувствовать…
Да, дорогие мои, да!
Есть! – и на постель чистую

Простынь зубами рвать —
Альфарекиново* неистовство.
Такое было один только раз.
Знать, от «лекарственной» температуры.
И больше нигде, ни за что, никогда
Не принимала слезоточивые процедуры.
Не мочила солёной влагой платки,
Пижаму и домашние наволочки.
Мы ещё вас разъясним,
Незваные крабовы палочки.

12
Сестринство

Братство – это крепче, чем родство,
Духа вольного мятежное единство.
А у нас – горя общего колдовство —
Благословенное святое сестринство.
Сильные, смелые сёстры мои,
Меченые Посейдоном и скальпелем.
Пили дикие слёзы свои,
Отвернувшись к стене, залпами.
А потом смеялись, за рану держась,
Чтоб от смеха саднила меньше.
И ночью, бывало, тихо песня лилась
О любви и последней надежде.
О калине над мутной и рваной рекой,
О надёжном заботливом дубе.
И гордилась, не кроясь, я каждой сестрой
И нечаянной светлою дружбой.
Ирина, две Томы и Нина-душа.
Дал Бог нам союз не спроста.
Что б ни было – жизнь на Земле хороша.
И нам она тоже Сестра.

13
Ещё раз о медицинской деонтологии*

**Медицинская деонтология – совокупность нравственных норм профессионального поведения медицинских работников.*

Можно ошибиться – спутать блок, этаж,
Туалет – мужской или женский.
Но оставить в груди дренаж —
Это высший, блин, пилотаж!
Несравнимо крутое эстетство!
Да, неприятно. Вот это да!
И на старуху бывает проруха.
Но извиниться – да никогда!
Не выдумывайте! И в пол-уха
Выслушав жалобы, оценив деликатный стон,
Врач предлагает *больной*
Прекратить издевательства и выйти вон.
Что ж, работа не сахар, тяжко нести.
Не мёдом намазано – горько!
А правильно себя вести
В детском садике учат только.

14
«Мовчи та диш…»
(украинская поговорка)

Ошибаются все:
Мастера, прорабы, лётчики,
Почтальоны, курьеры, наводчики,
Адресанты, повара, пациенты,
Спонсоры и реципиенты.
Ошибаются все:
Дети, ученики, родители,
Молодые и долгожители,
Режиссёры, экзаменаторы,
Всемогущие администраторы.
Ошибаются все:
Профессионалы, любители, программисты,
PR-менеджеры и артисты,
Книгочеи, библиотекари, переплётчики,
Фрезеровщики и налётчики.
Ошибаются все:
Машинисты, метеослужба, таксисты,
Военачальники и букинисты,
Послы, дипломаты, страховые агенты,
Чиновники и, пардон, президенты.
Ошибаются все:

Банки, клиенты, метродотели,
Шоумены и модельеры,
Предприимчивые антрепренёры…
Безупречны только суфлёры.
Но врачам не подскажешь в лоб.
Моментально схлопочешь дробь.
Ты не суйся, учёный чулок!
Мы тебя вылечим впрок.
Умников сколько таких, как ты…
Мы на практике с хворью один на один.
И твоё недоразвитое личное мнение
нам до фени….
Крыша едет от такой хренотени.
От такой хиромантии, мать её!
Задрали своими вопросами…
Разобраться… Разбирайтесь дома вон
Со своими молокососами…
Без комментариев… Проси не проси —
Времени нет на слова, блин, прости!..
Да… Здесь либо режь,
Либо так лежи.
Жди покудова
Наточат ножи.
Здесь не Гайд-парк*
И не Парфенон*.
Здесь диалогов не жалуют тон.
Режут тебя,
А ты, знай, молчок…
Жаль что ли жалкий

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.